

ЭТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И БИОЭТИКА

ETHICS OF RESPONSIBILITY AND BIOETHICS

Е. В. Беляева
E. Belyaeva

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь
bksisa@rambler.ru
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus*

Биоэтика как область научных исследований обращается к фундаментальному этическому знанию для проработки своих теоретико-методологических оснований. В истории этических учений выделяется три базовых теоретико-методологических программы – «этика блага», «этика долга» и «этика ответственности», которые по-разному обосновывают нравственное отношение к «Живому», дают разные нормативные рекомендации. Этика ответственности представляется наиболее актуальным теоретико-методологическим основанием решения биоэтических проблем. Бытие, в котором она реализует этическую регуляцию – рисковое, временное, событийное, живое и взывающее к участию. Нравственный субъект этики ответственности – разомкнутый, неспособный уклониться от разрешения конкретных ситуаций, реализующий заботу о «Живом Другом».

Bioethics as a field of scientific research turns to fundamental ethical knowledge for working out its theoretical and methodological foundations. In the history of ethical teachings, three basic theoretical and methodological programs are distinguished - “ethics of good”, “ethics of duty” and “ethics of responsibility”, which substantiate the moral attitude to the ‘Living being’ in different ways, give different regulatory recommendations. Ethics of responsibility seems to be the most relevant theoretical and methodological basis for solving bioethical problems. Being in which it implements ethical regulation is risky, temporary, living and appealing for participation. The moral subject of the ethics of responsibility is open, unable to evade the resolution of specific situations, realizing care for the “Living Other”.

Ключевые слова: биоэтика, ответственность, этика ответственности.

Keywords: bioethics, responsibility, ethics of responsibility.

<https://doi.org/10.46646/SAKH-2020-1-42-43>

Биоэтика как относительно новое направление научных исследований закономерно обращается к фундаментальному этическому знанию с целью найти в нем теоретический инструментарий для решения возникающих проблем. Несмотря на то, что биоэтика в огромной степени расширила число объектов, к которым может быть проявлено нравственное отношение, общий категориальный аппарат этики продолжает сохранять свою эффективность. Что же касается субъекта нравственных отношений, то биоэтика как нравственное отношение к «Живому» пересматривает его характеристики, также используя для этого традиционные этические категории. Поэтому теперь, когда биоэтика стала не только романтическим «мостом в будущее», как писал В. Р. Поттер, а серьезной научной дисциплиной, ее теоретико-методологические основания должны прорабатываться все более тщательно. Это также необходимо для того, чтобы биоэтические нормативные предписания не сводились к морализаторству, при котором слова о благоговении перед Жизнью заменяют конкретный анализ проблем, а все этические категории употребляются как тождественные. Говоря о нравственном отношении к «Живому», различные авторы употребляют самые различные категории. Речь идет биоэтическом долге, биоэтической совести, биоэтическом императиве, биоэтической ответственности, биоэтическом достоинстве и т. п. Когда к биоэтическим соображениям добавляется слово «императив», то кажется, что содержание высказывания становится более требовательным. А если «ответственностью за что-либо подчеркивают особую важность этого», то прибавление слова «ответственность» к уже известным тезисам биоэтики подчеркивает их значимость.

Между тем все эти этические категории, во-первых, имеют определенный смысл и не являются взаимозаменяемыми, а во-вторых, этот смысл устанавливается внутри определенных теорий морали и, соответственно, одна и та же категория наполняется у разных теоретиков разным содержанием. В истории этических учений можно выделить три базовых теоретико-методологических программы – «этику блага», «этику долга» и «этику ответственности» [1]. Они различаются не только ключевой категорией, положенной в основание интерпретации морали, но и трактовкой механизма моральной регуляции, ее субъекта, объекта и ситуации их взаимосвязи [2, с. 37]. Если две первые теории морали были известны еще в классической этике, то появление «этики ответственности» относится к XX веку и связано с изменением как субъектов морали, так и проблем, которые им приходится решать. Не биоэтические, а, скорее, социально-политические проблемы заставили теоретиков морали задуматься

о новых методах осмысления своего объекта. В начале XX века этика ответственности стала активно противопоставляться этике долга, представителем которой, в первую очередь, является И. Кант, и в целом этике модерна. Этика же блага, теоретические приемы которой восходят к Аристотелю, была временно отодвинута на второй план и актуализировалась только в конце XX века. Поэтому для современной биоэтики назрела потребность разобрататься с возможностями различных теоретико-методологических программ в этике для наилучшего решения насущных проблем.

«Этика блага» для биоэтики – достаточно «слабая» теория, в первую очередь потому, что она предполагает существование объективного блага, проистекающего из предназначения каждой вещи и предназначения человека, которое реализуется в его этической миссии. Между тем осознание биоэтических проблем произошло в результате распада подобных представлений. Тезис А. Швейцера «Я жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая хочет жить», фиксирует основное благо биоэтики. Однако с переходом как к экологическим, так и к биомедицинским темам достижимость этого блага как абсолютного, представляется сомнительной. В экологической этике первостепенное значение приобретает проблема соотношения жизни как блага для разных особей, видов, биогеоценозов и проч. Казалось бы, принцип «делай благо» является в биоэтике фундаментальным, однако его фактическое функционирование исключительно ситуативно. Биомедицинская этика вся состоит из антиномий по вопросам о том, чья жизнь и жизнь какого качества является приоритетной на данный момент. Можно сказать, что «этика блага» как наиболее классическая версия теории морали ориентирована на онтологически стабильный мир и определенность его нравственного содержания. Биоэтика в то же время является феноменом «общества риска» с негарантированным предназначением любого субъекта, с постоянно проявляемым в конкретных ситуациях выбором и соотношением ценности различных объектов.

«Этика долга» для биоэтики прекрасна своей непреклонностью, твердым побуждением субъекта к выполнению нравственно важных задач. Однако «этику долга» не случайно называют еще «этикой убеждений». В биоэтике это будет означать, что изменение нравственного отношения к «Живому» обеспечивается изменением убеждений, что для осуществления целей биоэтики необходима работа с сознанием людей. Между тем, степень озабоченности людей экологическими проблемами сейчас достаточно велика и, как показывают социологические исследования, экоцентрическая или биоцентрическая ориентация морального сознания достаточно распространена, по крайней мере, среди молодежи. Однако существует главный недостаток «этики долга», который вскрывался ее критиками и который в полной мере проявляется в биоэтике: данный тип этической теории концентрируется на правильности намерений, не придавая значения последствиям. В то время как решение биоэтических проблем – это по большей мере желание добиться изменения реального положения вещей, т. е. добиться положительных последствий своих действий. Поэтому «экологический императив», придуманный Н. Н. Моисеевым [3] или этический императив Г. Йонаса в области экологии [4] сами по себе недостаточны для достижения желаемой цели.

В этих обстоятельствах «этика ответственности» представляется наиболее актуальным теоретико-методологическим основанием решения биоэтических проблем. В отличие «от этики блага» с ее онтологической стабильностью, она рассчитана на поведение в хрупком, рисковом, негарантированном мире; в текучей, становящейся, принципиально временной среде, полной опасностей, как для субъекта морали, так и для объекта его нравственного отношения. Бытие, в котором становится необходимой «этика ответственности», – это бытие-с-бытием, т. е. ситуация, доставшаяся именно мне, не имеющая универсального решения и вызывающая к моему личному участию в ее разрешении потому, что в нее вовлечены живые существа, подверженные смерти. Для того, чтобы проявлять отзывчивость к ситуациям биоэтического выбора и вообще распознавать их в окружающей действительности, сам моральный субъект должен иметь специфические характеристики. С одной стороны, он самореализуется в ответ на зов бытия, демонстрирует индивидуальную способность быть свободной самостью, с другой – он является разомкнутым, открытым к «Иному Живому», неспособным уклониться от принятия на себя ответственности за уязвимое существование «Живого». Таким образом, «этика ответственности» является той теорией морали, представления которой о субъекте и объекте нравственных отношений в наибольшей степени подходят для фундирования биоэтики как области научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляева, Е. В.* Три типа теории морали: «этика блага», «этика долга», «этика ответственности» / Е. В. Беляева // *Философские традиции и современность* : ежегодник. – Тамбов. – 2013. – № 1 (3). – С. 74–80.
2. *Сычев, А. А.* Модальности моральной ответственности / А. А. Сычев // *Вестник РУДН*. – Сер. Философия. – 2015. – № 2. – С. 37–45.
3. *Моисеев, Н. Н.* Восхождение к разуму и обществу. Начало истории / Н. Н. Моисеев // *Социально-политический журнал*. – 1993. – №5/6. – С. 107–117.
4. *Йонас, Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 480 с.